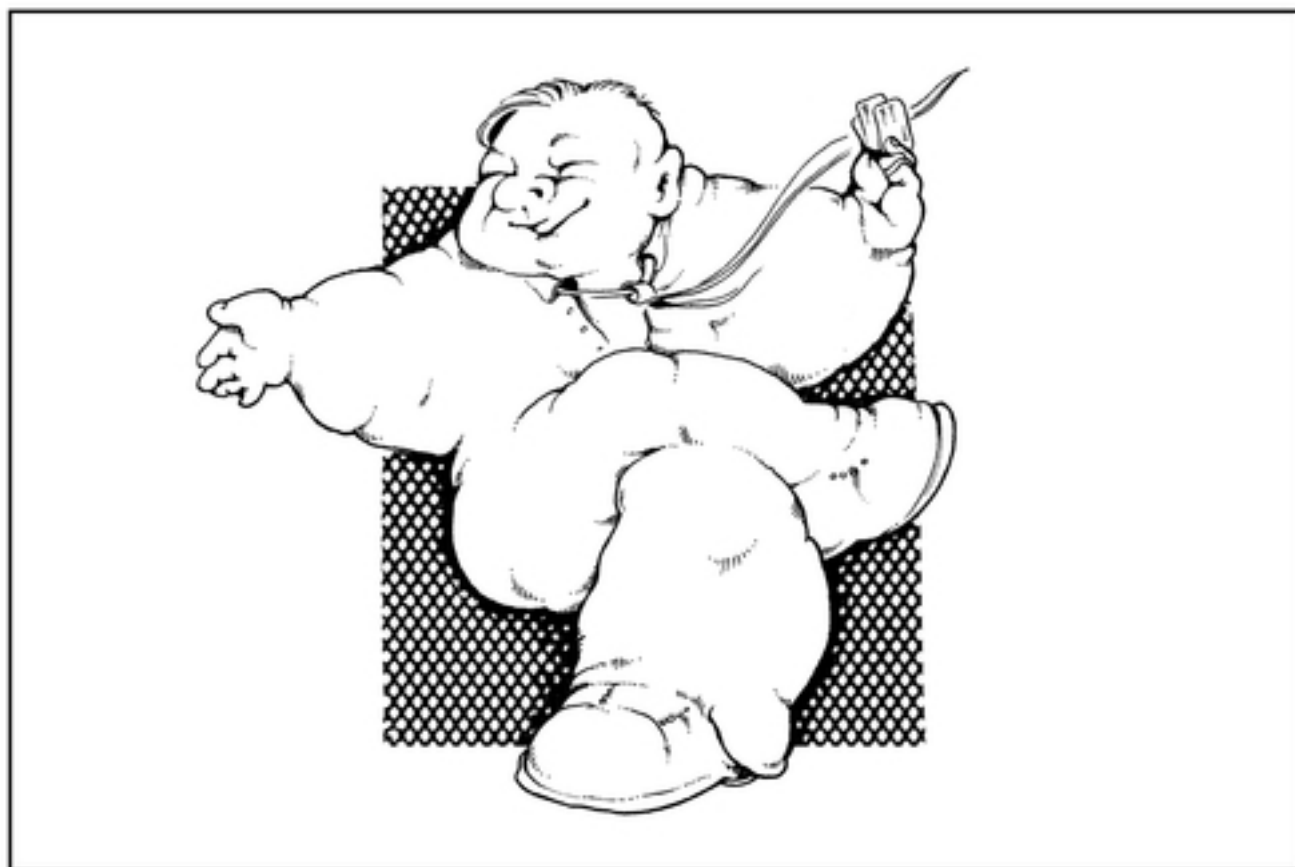


Владимир Дэс



Зелёное пальто

ЛИТЕРАТУРНАЯ СИМФОНИЯ ГРОТЕСКОВОГО ФАРСА

Владимир Дэс

Зелёное пальто

«Автор»

Дэс В.

Зелёное пальто / В. Дэс — «Автор»,

Начало перестройки в России. Когда были разрушены социальные системы государственного регулирования а новые не были созданы, люди работали, жили и учились так, как могли. В этом произведении прослеживается судьба семьи которая в социальном обществе была на самом дне, и в силу новых обстоятельств получила возможность попасть в самые сливки нового Российского общества. Стала она жить лучше или хуже судите сами.

© Дэс В.

© Автор

Содержание

Часть 1. ALLEGRO	5
Часть 2. VOLTO VIVACE	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Дэс
Зеленое пальто
(Литературная симфония
гротескового фарса)

Посвящается моим друзьям
(...посвящение написано обдуманно, в здравом уме и при полной
памяти...)
Автор

Часть 1. ALLEGRO

Когда в школьном, прокуренном туалете, из окна которого была видна городская библиотека, я услышал, что все мы дети «гоголевской шинели»¹, то очень удивился.

Никаких «гоголей» ни в каких «шинелях» среди своих родственников я не наблюдал.

Господь определил мне семью, где отец пил каждый день, а мама изводила себя каторжным трудом за швейной машинкой, пытаясь прокормить наше голодное семейство, за копейки обшивая соседей, подруг, знакомых и полужнакомых.

Кроме мамы у нас было еще три женщины: две мои младшие сестры и парализованная бабушка, такая старая, что никто не помнил, чья она бабушка – мамина или папина.

Про отца я не мог сказать точно, кто он, мужчина или женщина, потому что голым его никогда не видел.

В баню я ходил исключительно с мамой, так как отец бани вообще не признавал.

Он даже никогда не умывался.

Но иногда, промыв глаза остатками «бормотухи»², он с удивлением обнаруживал вокруг себя детей, которые называли его папой. От этого он свирепел и начинал гонять маму из угла в угол, утверждая кулаками, что не имеет никакого отношения к рождению этих детей.

Вот так мы и жили «весело и дружно» в одноэтажном сталинском бараке, где у нас была комната величиной с курятник и маленькая кухня размером с холодильник.

Правда, холодильника у нас и не было. Он нам был не нужен. Все съедобное уничтожалось нашим семейством раньше, чем оно могло испортиться.

А то малое, что оставалось после нашей скудной трапезы в виде помоев, выхлебывал с похмелья папа.

Словом, все были сыты.

Вот с одеждой было сложнее. Одежды на всех не хватало, поэтому ее мы носили по очереди.

В младших классах мои сверстники даже не подозревали, что я мальчик, потому что с пеленок носил обноски своей старшей сестры.

Лишь когда я пошел в третий класс, мама из бабушкиной юбки сшила мне первые брюки. И, наконец, к пятому классу, в зиму, у меня появилось пальто. Появилось оно не оттого, что кто-то заметил, что я мерзну зимой.

Отцу с похмелья всегда было жарко.

¹ Вольная интерпретация выражения Ф. М. Достоевского: «Все мы вышли из гоголевской шинели».

² Дешевое вино советских времен.

А мама месяцами не выходила из дома. Шила и шила дни и ночи напролет. И, как мне казалось, она даже не знала, что на улице: зима или лето.

Но когда я в пятый раз переболел воспалением легких, то тетя врач сказала маме, что без теплого пальто следующую зиму я не переживу.

Тогда мама достала из сундука свое девичье зеленое пальто, щедро пересыпанное нафталином (она берегла его как приданое для моей старшей сестры), села за швейную машинку и, плача, за ночь перешила его на меня.

Мама плакала не из-за того, что ей было жаль перешивать пальто для меня, а потому, что она поняла: ее старшая дочь никогда не выйдет замуж, а значит, и приданое ей не понадобится. Сестра в свои семнадцать лет считала, что мужчин Господь посылает в наш мир в наказание за грехи и что мальчики рождаются сразу пьяными. А после того как упившийся в стельку папа, перепутав с мамой, припечатал ее к стенке, она навсегда усвоила, что замужество – это не самая счастливая страница в жизни девушки. Поэтому в детстве она боялась говорить с мальчиками, затем с юношами, а когда вошла в возраст, она и говорить-то почти разучилась. Только моргала при виде двуногих существ иного пола. Даже фотограф ее испугал, фотографируя на паспорт, и с документа, моргнув, она смотрела на мир закрытыми глазами.

Так что и она не возражала против перевоплощения своего залежалого приданого в добротную и теплую вещь для спасения моей жизни.

Мой выход на улицу произвел настоящий фурор.

На фоне ослепительно-белых сугробов пальто казалось не просто зеленым, а ядовито-зеленым, как папино лицо с тяжелого утреннего похмелья.

Я буквально полыхал на белом снегу.

Из-за этого меня, безликого ребенка из никудышной семьи, заметили люди. А когда заметили, стали смеяться.

Но даже выбитые зубы сверстников не смогли изменить цвет моего пальто.

И когда кулаки мои покрылись сплошными шрамами, а выбитые зубы горстями валялись по закоулкам, я понял, что причина моей травли не в плохих парнях с улицы, а в моем необычном пальто.

И даже не в пальто, а в маме, которая его сшила.

Или даже не в маме, а в старшей сестре, которая не могла выйти замуж.

Или в отце, который пил чаще, чем ел.

Или в младшей сестре, которая с завистью смотрела на мое зеленое пальто, мечтая завладеть им. Это было видно и по ее школьным рисункам, где она рисовала себя только в нем. Я даже стал опасаться за свою жизнь, как бы она не прирезала меня ночью папиной опасной бритвой, которой днем тайком от папы точила свои цветные карандаши.

Пришлось пожаловаться маме.

Мама разъяснила сестренке, что если та зарежет меня, то братик, то есть я умру, и меня похоронят прямо в зеленом пальто. Так что оно ей все равно не достанется. Поэтому лучше подождать, когда я вырасту, и тогда пальто само перейдет от меня к ней. Моя младшая сестра была не такой идиоткой, как старшая. Хоть с трудом, но до нее дошло, что имела в виду мама, и она вернула папе бритву, сказав, что ночью случайно нашла ее у себя под подушкой.

Папа удивился.

Погладил свою щетину.

Потрогал горло и решил совсем не бриться.

Так меня не зарезали и я продолжал жить и носить пальто. Шить мама умела, поэтому оно сидело на мне великолепно.

Единственно, что меня смущало, так это взгляд парализованной бабушки. Обычно мутный и бессмысленный, он становился жадным и колючим, когда я в своем пальто ложился

спать на пол рядом с ее кроватью. От этого взгляда я вздрагивал. И, чтобы его не видеть, я положил ей на глаза два пятака, которые выкрал у мамы.

Мама держала деньги в своем дамском платочке, завязанном узелком. И обнаружив пропажу, стала ругать отца, думая, что это он их выкрал. Но даже не догадалась посмотреть на лицо бабушки.

Так та и пролежала остаток своей жизни с монетками на глазах. А когда бабушка умерла, мама обнаружила свою пропажу и очень ей обрадовалась. Но со стороны казалось, что она радуется бабушкиной смерти, а не деньгам, пропавшим из ее платочка.

К десятому классу я стал замечать, что пальто сделалось мне маловато. Рукава по локоть, а полы едва прикрывали пупок.

Но зато оно сделало меня «иконкой стиля» в нашем микрорайоне. Все девчонки были мои. А для парней я стал непререкаемым авторитетом.

Даже папа наконец заметил, «что» я ношу, и попытался пальто отнять. Впрочем, безуспешно: сам он к этому времени стал похож на сушеный скелет, а я уже вошел в мужскую силу. Поэтому, получив от меня жесткий отпор, он понял, что его пьяная тирания в нашей семье закончилась.

И на следующее утро, окинув мутным взглядом наше «святое семейство», плюнул на порог дома и ушел бомжевать³, нырнув в люк городской теплоцентрали.

Мама долго не могла поверить в такое счастье. А когда, наконец, поверила, даже шить перестала. Купила бутылку водки и напилась. Первый раз в жизни.

А старшая сестра, перестав моргать, заговорила с мужчинами.

А младшая, разыскав старую папину бритву, сунула ее к себе в школьный рюкзачок и скрылась из дома.

После этого в нашем доме стало просторнее.

Но не спокойнее.

Теперь пить начала мама. Причем еще хлеще, чем папа.

Старшая же, прозрев и заговорив, поняла, что мужчин не надо бояться и даже, наоборот, их надо любить.

И стала каждую ночь приводить по существу мужского пола на освободившееся ложе бабушки.

Словом, зажили мы по-новому.

Я, здоровенный кабан в зеленом пальто по пояс.

Мама, мучающаяся с похмелья около любимого папиного помойного ведра. Старшая сестра с очередным любовником на бабушкином матрасе. И большой рисунок на стене – автопортрет младшей сестры в моем зеленом пальто, мечте ее детства. Рисунок прислали нам из детской колонии, где сестренка отбывала срок за грабеж с применением холодного оружия. Угрожая одному солидному гражданину папиной бритвой, она сняла с него пальто. Правда, желтое, а не зеленое.

На мое незрелое сознание все эти перемены подействовали как-то по-особенному. И я однажды, собираясь на концерт симфонической музыки с девушкой из консерватории, решил оставить свое пальто дома. Это было впервые за последние семь лет.

Когда я его положил на стол, то с ужасом заметил: какое же оно маленькое, словно сшитое на игрушечного человечка. И зачем оно так было нужно сестре, бабушке и папе?

А мне сейчас зачем?

Чтобы не замерзнуть?

Нет, наверное. Оно совсем меня уже не греет. Просто я к нему привык. Я с ним как бы слился.

³ Бомж – лицо без определенного места жительства.

И почему я его сейчас снял?

Что изменилось?

Мама заменила папу. А потом, наверное, заменит и бабушку.

Старшая сестра заменит маму.

Младшая, когда вернется из тюрьмы, опять сядет.

А я... Кого заменю я? Каким будет мое будущее исходя из моего прошлого?

Думал я, думал и ничего не надумал.

Единственно, что мне было ясно, – мое будущее никак не было связано с девушкой-любительницей симфонической музыки.

Поэтому натянул я опять на себя свое любимое зеленое пальто и вместо консерватории побежал кулаки свои проветривать, к своей молодой и дерзкой кодле ⁴, состоявшей из таких же полудурков, как и я.

Мы, как всегда, в темном переулке попросили у одинокого дядьки закурить. Дядька ничуть не испугался. Чем, по правде, вначале удивил, а затем напугал нас. Переспросил:

– Чего вам, детки, я не понял?

– Чего-чего, курить давай, а заодно и деньги, – пропищал детским басом кто-то из нас. Дядька опять не испугался и, попросив нас успокоиться, сказал, что курить – здоровью вредить, а деньги надо не просить, а зарабатывать.

От этих непонятных слов ряды наши сильно поредели. То есть остался я один. И чтобы не слушать больше дядьку, я решил сломать ему челюсть.

Размахнулся я и бам... не попал.

Размахнулся еще раз и опять мимо.

Мужик стоял и спокойно так смотрел на меня.

А я удивленно на свои кулаки.

Наконец дядька вздохнул и, уже посмотрев на меня, как на назойливую муху, резко ткнул меня в живот своим кулачишкой. От удара в глазах сверкнуло, и я, задохнувшись, рухнул на землю.

Потом меня подняли за шиворот и приволокли в спортивный клуб, где этот дядька был тренером по боксу.

Так я стал боксером.

Пока до армии я потел и тренировался в спортивном клубе, дружки мои по кодле все испарились: кого посадили, кого зарезали, а кто отравился «Солнцедаром», паленым арабским вермутом.

Так что когда пришло время исполнять воинский долг перед Родиной, я один из всего барака оказался способен его исполнить.

На мои армейские проводы мама поставила флягу браги ⁵. Из браги нагнала трехлитровую банку самогонки. Добавила к столу таз винегрета и стала счастливой оттого, что у нас на проводах все как у всех. По-хорошему.

По-людски. Не хуже, чем у других.

Друзей у меня, по понятным причинам, на проводах не было. Только подруга по прозвищу Трахома. Кличку свою она получила за пристрастие к «противогазу» ⁶, и от этого у нее гноились глаза. Когда я уходил из дома, мама меня перекрестила.

Трахома поклялась меня дожидаться.

Старшая сестренка подстригла налысо.

⁴ Кодла – молодежная банда.

⁵ Брага – народный алкогольный напиток.

⁶ Противогаз – распространенный среди подростков способ для получения кайфа с помощью целлофанового пакета и клея «БФ».

Младшая из колонии прислала телеграмму: «Пальто не бери. Оставь мне. Не оставишь, выйду – зарежу».

Даже мой папа ради такого случая выполз из своей теплоцентрали, пришел на провода и так напился маминой самогонки, что начал беспрерывно икать. И вечером, и ночью, и утром.

Сосед-ветеринар осмотрел его, икавшего, как дышавшего, и сказал, что болезнь эта очень серьезная и что папа скоро помрет. Так в середине XVIII века умер от икания племенной жеребец светлейшего князя Потемкина.

И по всем законам выходило, что мне должны дать отсрочку из-за смертельной болезни родителя.

Но тренер, посмотрев на все эти провода, посоветовал мне как можно быстрее – почти бегом – идти служить Родине.

Так я и сделал: чемодан в руки, зеленое пальто под мышку, и в вагон.

Зачислили меня в десантные войска.

В эшелоне, набитом новобранцами под самую крышу, царил полный хаос.

Но я, надев свое зеленое пальто, сразу привлек к себе внимание сержантского состава. Они назначили меня главным экспроприатором домашних булок, колбасок и наливок для начсостава.

В Москве к нам в эшелон добавили хохлов-новобранцев, а это значит, что к рациону сержантов добавилось сало.

Куда нас везли этим этапом, было военной тайной, но мне как человеку, приближенному к желудкам сержантов, сказали по секрету, что наш состав едет в Прибалтику.

А Прибалтика для нас, волжских недоумков, была той же заграницей. Настроение сразу поднялось.

Но когда темной ночью на грузовиках весь наш эшелон долгое время везли по дремучим литовским лесам, настроение опустилось. Остановились на какой-то поляне, где светили прожектора и лаяли собаки. «Покупатели», то есть представители воинских частей, начали отбор новобранцев.

Меня, человека уже отличившегося, сержанты порекомендовали командиру учебной разведроты.

Посмотрев на меня, в зеленом пальто, на мои кулаки и заставив подтянуться на суку литовской осины, командир кивнул:

– Пойдет.

Лучше бы меня не рекомендовали и лучше бы я не подтягивался.

Дурак везде горе найдет.

Так получилось и со мной.

Я попал в ад.

Часть наша стояла в дремучих лесах, среди волчьего воя и злобных взглядов литовских хуторян.

Сержанты и офицеры, с каким-то садистским остервенением и упорством нас, молодых и здоровых, старались превратить в инвалидов.

Передвижение только бегом, стрельба, прыжки, газовые атаки, рукопашные бои и днем и ночью. Проглотить еду: первое, второе и третье – предлагалось за две минуты.

Капитан, командир нашей роты, всегда ходил с хлыстом.

Постукивая им по зеркальному голенищу идеально отутюженного сапога, он наставлял нас:

– Курсанты, какая же вы непобедимая Советская армия, если у вас члены стоят, как колы. Вот когда «колы» торчать не будут, тогда вы станете достойными памяти своих отцов победителей. Почему? – спрашивал он нас, полуобморочных, после очередного кросса. И сам же отвечал:

– Потому что врагу для победы достаточно сбросить на вас взвод проституток, зараженных сифилисом. Вы со своими стоячими «колами» тут же наброситесь на «этих» лазутчиц. И что в итоге? В итоге – поражение!

Но время шло, закончился и этот ужас. Мы получили звание сержантов, и нас направили в войска. Исчезли в прошлом и хлыст, и капитан, и жуткий холод ночных бросков.

Провожал нас литовский народ радостными надписями: «Прощай, Иван!» Плакала лишь одна молодая литовка – гарнизонная буфетчица, к которой по раннему утру ходил наш генерал, а ночью я, надевая для конспирации вместо солдатской шинели свое зеленое пальто.

В Каунасе, на сборном пункте, всех нас перераспределили по дивизиям: кого в Фергану, кого в Молдавию, кого в Рязань. Меня же, очевидно, из-за того, что я так боялся морозов, – в теплый солнечный Азербайджан. Погуляв недолго по городу, затарившись вином и водкой, я со своей командой сел в поезд, и мы отправились к новому месту службы.

До Тбилиси доехали без приключений.

Пили водку да по графику ходили в гости к нашим проводницам Клавочке и Люсеньке.

В Тбилиси вино, закупленное в Каунасе, закончилось, и меня, как самого вменяемого отправили за грузинской чачей ⁷.

Причем без копейки денег.

Я, оставив на сохранение мое зеленое пальто Клавочке и Люсеньке, вышел на площадь перед вокзалом.

Вокруг – никого.

Ночь.

Все закрыто: и магазины, и буфеты.

Только слева от вокзала, под пальмой, в бурке, стоял одинокий старик с большим горбатым носом, длинным посохом и козой на веревке.

Я подошел к нему, поприветствовал и спросил: «А скажи, отец, как бы мне, воину, разжиться наркомовскими ста граммами в этом прекрасном городе, где, я слышал, живут самые приветливые и щедрые люди на Земле?»

Через час я, едва соображающий от выпитой чачи и окруженный толпой поющих грузин, загружался в свой вагон с тремя огромными бурдюками вина, жареным барашком и целой копной зелени.

И еще долго после того, как тронулся поезд, слышались под стук удаляющихся колес мелодичные песни щедрых грузин о любви к родному дому, горам, аулам и русским женщинам.

Поутру мы прибыли в Баку. Нас кое-как выгрузили.

Поезд умчался, а вместе с ним наши приветливые проводницы.

Осиротевших и сильно уставших от такой дороги, к вечеру нас доставили в свою часть.

Разведрота, в которой мне предстояло служить, стояла на краю города, в ста километрах от Баку. Половина жителей были азербайджанцы, а половина – армяне, но жили они вполне дружно.

Хотя после распада СССР, выяснилось, не совсем дружно. И даже не очень дружно.

В полукилометре от части стоял алюминиевый завод.

Его построили советские военные ученые из расчета, что в этих местах ветра всегда дуют в сторону Турции. И вся гадость из двадцати труб завода естественным путем экспортировалась дружественному турецкому народу. Было у завода и другое полезное свойство: на нем в огромном количестве трудились русские «химички» – то есть женщины, осужденные за растраты, недостачи и прочие мелкие торговые преступления.

Они, попав и проработав на этом вредном для здоровья производстве несколько дней, от химикатов становились тощими и безумно жадными к плотской любви.

⁷ Чача – грузинская самогонка.

Личный состав нашей части с готовностью шел им навстречу: мы подкармливали их нашей солдатской кашей, а по ночам с удовольствием удовлетворяли плотскую страсть землячек в «ленинских» комнатах, под бюстом вождя мирового пролетариата. Кому не нравились синюшные лица дам, их накрывали журналом «Советский экран» с фотографиями известных киноартисток. Местное же мужское население страшно боялось вечно голодных русских «химичек» и обходило их стороной.

В этом краю вообще было много странностей.

На остановках, например, никто не курил, а в автобусе все сразу же закуривали. Поэтому весь их транспорт напоминал паровоз, у которого, как из труб, со всех окон валил дым. И приходилось, нам, солдатам, выкидывать дымивших аборигенов из автобусов. Правда, они больно и не сопротивлялись.

Местных женщин мы и вовсе не видели. Они или работали на полях, или сидели по домам, рожая детей и занимаясь домашним хозяйством. Мужчины же или торговали на базарах, или играли в «шишбыш»⁸.

Рядом с нашей частью было небольшое болотце, населенное маленькими полосатыми и страшно злыми комарами. Еще там водились черепахи, такие плоские и быстрые, что больше напоминали большие пуговицы от ширинок, чем своих песчаных собратьев.

От комаров мы спасались, натираясь с головы до ног вонючей соляжкой. Черепах же мы пытались ловить для супа, но это удавалось крайне редко. Бегали они, плоские и тощие, быстрее тараканов.

Так что в свободное время мы чаще ловили скорпионов и ядовитых фаланг для изготовления сувениров на «дембель».

Вокруг части в воздухе все время висела тягучая, однотонная музыка, напоминающая стон человека с больными зубами. Я долго не мог понять, почему местные жители этот вой называют песней? Понял потом, когда по-настоящему разглядел природу этой страны, ощутил величие и красоту этих мест.

Утром из-за гор в молочно-серебристой дымке медленно-медленно поднималось солнце, обнажая пологие склоны, освещая долины. Первые лучи, как музыкант пальцами, нежно трогали аккорды таинственных звуков.

Торжественно, не спеша, просыпалась, отряхиваясь отосна, вся природа. Горы, вспыхивая бликами, тянулись к небу. И в этой только что абсолютной тишине, от которой резало уши, все громче и громче сама собой начинала звучать музыка, протяжная и тягучая, как утренний туман в долине.

Вот тут до меня и дошло, почему местные поют так, а не иначе. Это пели их горы, их долины, их реки...

Мы же в части пели совершенно другие песни: «Щечки, словно снегири, снегири. Губки-ягодки горят» и тому подобное. В общем, как и все солдаты.

Думали и пели только про любовь и Родину.

У каждого под подушкой хранилось фото любимой девушки, ну а если таковой не было, то фото Фиделя Кастро или Юрия Гагарина.

Фотография же моей девушки Трахомы уже месяц как была обведена траурной лентой. Она меня обманула, не дождалась. Погибла от любви не ко мне, а к клею. Во время очередного кайфа клей БФ вытек из тюбика и наглухо заклеил ее голову в пакете. Отчего она задохнулась и померла.

Мое горе было так велико, что штатные стукачи тут же доложили об этом замполиту. Замполит, как душевный человек, пригласил меня к себе домой в семью, успокоить, чаю попить, военный блок НАТО поругать.

⁸ «Шишбыш» – национальная игра.

Семья его состояла из скучающей от ничего неделания молодящейся жены и дочки, только что вошедшей в возраст полового созревания.

Я скромно сидел за столом, пил чай и улыбался жене и дочке. Замполит в больших количествах пил водку.

И к концу чаепития он упал головой на стол.

Дочка пошла смотреть по телевизору программу «А ну-ка, девушки!», а жена замполита попросила меня показать ей кое-какие приемы боевого самбо.

Мы вышли в сад, и я почти до трех часов ночи показывал ей «приемы». Но, как оказалось, она и сама владела ими весьма неплохо, так что мне пришлось очень много импровизировать, чтобы она не заскучала от частых повторений.

А через неделю у нас начались учения.

Воевали «синие» и «зеленые».

Мы были «синие».

По сценарию учений на «зеленых» должны были сбросить с самолетов контейнеры с нервнопаралитическим газом «зарин». Чтобы «зеленые» не отравились по-настоящему, их заранее об этом предупредили. «Зеленые» окопались, укрылись, заткнули все дырки, надели противогазы и стали ждать газовой атаки. Но летчики, очевидно, были дальтониками и сбросили контейнеры с газом не на «зеленых», а на нас – «синих», намазанных в это время соляжкой от комаров. Когда генералы сообразили, что кто-то где-то что-то перепутал, было уже поздно. Наша «синяя» армия, задыхаясь, горела синим пламенем в прямом смысле этого слова.

Хорошо я вовремя сориентировался и скомандовал разведгруппе нырнуть в болото к плоским черепахам.

От смерти мы спаслись, но когда вынырнули, обнаружили, что у всех исчез волосяной покров. Причем везде.

А у меня вдобавок отслоилась кожа по всему телу, и я оказался как бы в скафандре. При ходьбе булькал. Кожа то и дело трескалась, и я весь истекал чем-то непонятным и вонючим.

Поэтому меня срочно отправили в госпиталь. Туда через неделю, когда я пошел на поправку, приехал замполит со всей семьей.

Навестить меня по старой дружбе.

Я очень удивился, увидев его живым. Оказывается, во время газовой атаки он был в стельку пьян, как, впрочем, и весь старший командный состав. Поэтому отравляющий газ на офицеров не подействовал.

Его жена, поняв, что я в этот день не способен проводить приемы боевого самбо, быстро покинула палату, сказав, что ей надо сделать рентген таза.

Сам замполит, почуяв запах спирта, ушел к главврачу, а со мной осталась их прыщавая дочь.

Она прониклась ко мне состраданием и стала регулярно навещать меня в госпитале. Чем очень поспособствовала моему выздоровлению.

Вскоре ее стало подташнивать. Как она объяснила папе с мамой, от больничного запаха.

Тут как раз разразился очередной международный конфликт на Арабском полуострове. И глава нашего государства объявил по телевизору, что у нас есть добровольцы из воздушно-десантных войск, которые хотят оказать содействие одной из сторон конфликта.

Я не стал дожидаться, когда тошнота дочки замполита перерастет в полноту, и быстро записался в добровольцы.

Нас, добровольцев, в количестве двух батальонов погрузили в самолеты, и мы улетели в сторону конфликта.

После успешного завершения военной операции нас, уже героев, к большой моей радости, вернули не в Баку, а в Каунас.

Там на плацу, перед строем, нам вручили правительственные награды, это давало возможность поступить в любой вуз страны без конкурса.

И я после «дембеля»⁹ поехал не домой, а в город-герой Ленинград.

С орденом, полученным за защиту интересов Родины на Синайском полуострове, я легко поступил в Ленинградский юридический университет. Получив приказ о зачислении и место в общежитии, я отбыл наконец-то к себе на родину.

И не то чтобы меня сильно тянуло домой, просто перед тем, как отправиться добровольцем на войну, я отослал свое зеленое пальто маме и теперь решил его забрать с собой на учебу.

Дома все было по-прежнему.

Папа продолжал икать и теперь лежал на месте бабушки.

Но если глаза бабушке я закрыл монетками, то папе рот заткнули детской резиновой клизмой, которая, когда он икал, испускала пукающие звуки.

Старшая сестра, окончательно разочаровавшись в мужчинах, теперь жила с маленькой мохноногой женщиной. Ноги этой женщины напоминали сестре бабушкины рейтузы, которые она очень любила в детстве.

А младшая, не успев выйти из колонии, опять села за грабеж мужчины в пальто с применением все той же папиной бритвы. Ей эту бритву дяди в погонах упорно возвращали после очередной отсидки.

Мама же перестала шить на соседей. И принялась перешивать старые вещи из пунктов приема вторсырья в первоклассный импортный товар.

Мамин «импорт» разлетался молниеносно.

Особенно самопальные джинсы из крашеного брезента.

Благодаря этой маминой инициативе наше семейство стало потихоньку обживаться: появились телевизор, уют и даже унитаз.

Мое зеленое пальто я нашел у порога.

На нем спал неясной породы кот, с одним глазом и хитрой улыбкой.

Он никак не хотел отдавать мне мою собственность, но, получив пинка, улетел, как птица, в форточку. А еще говорят, будто кошки не летают.

Упаковав зеленое пальто, я поцеловал маму, вечную труженицу, нажал пару раз на клизму, торчащую из папиного рта, с порога помахал сестренке, расчесывавшей волосы на ногах своей подруги, и умчался в город-герой Ленинград.

В университете учиться было интересно.

Экономику нам преподавал ветхий профессор с клюшкой, выходец из какой-то полудики народности, обитающей в Нерчинске. Туда некогда ссылали «декабристов», а затем большевиков, коммунистов, за коммунистами: оппортунистов, троцкистов, космополитов, диссидентов и немногочисленных пока олигархов.

Профессора этого мы прозвали Шаманом. С детства одна нога у него была короче другой, и поэтому на охоту соплеменники его не брали. Вот он от безделья читал и читал, читал и читал единственную на весь Нерчинск книгу «Капитал» Карла Маркса, забытую кем-то из ссыльных революционеров. А читая, так полюбил, что выучил ее наизусть.

И когда «это чудо» выросло, его как необычный экземпляр привезли из Нерчинска в Ленинград. Здесь ему без диссертации, как представителю малой народности, присвоили звание профессора и направили в наш университет преподавать политэкономию загнивающего капитализма.

В своей жизни он так и не прочитал больше ни одной книги. И говорил исключительно цитатами из «Капитала».

Среди студентов чудаков тоже хватало.

⁹ Дембель – армейский жаргон, т. е. увольнение в запас.

С нами учились эфиопы, румыны, йеменцы и даже один монгольский национальный поэт – вроде нашего Пушкина в Монголии.

Он хоть и был поэтом, но унитаз за четыре года так и не освоил. Как приспичит, идет в туалет, сядет в уголке мимо унитаза и упрямо делает свое дело, сочиняя при этом стихи.

Хорошие ребята были из Анголы.

Постоянно просились с нами в баню, хотели отпарить свою черную кожу добела. Это я как-то сказал, пошутив, что русские раньше тоже были черными, но березовыми вениками в бане отпарились добела. И они поверили.

Как верили всему, чему их учили в СССР.

После третьего курса меня и еще четырех студентов отправили на двухмесячную практику в Ригу. Руководитель нашей практики принял нас в своем кабинете, ощупал наши мышцы, осмотрел зубы и отправил в Юрмалу, к себе на дачу. Полоть и копать грядки на его огороде.

А поскольку Юрмала была курортной зоной с огромным количеством ресторанчиков и скучающих девушек, мы возражать против такой повинности не стали.

Вначале обошли все ресторанчики.

Потом познакомились с девчонками – патрульными ГАИ. Они съезжались со всего Союза, убегая от несчастной любви в рижский спецбатальон, единственный в стране, куда принимали девушек.

И на всех перекрестках Риги стояли элегантные регу лировщицы, в юбочках и пилоточках.

В выходные, свободные от сельхозработ на даче, дочь руководителя практики, коренная рижанка, устраивала нам, практикантам, экскурсии по их красивому, древнему городу.

Начинала она с центра Риги от памятника Свободы.

У него она произносила длинные патетические речи.

О свободе малых народов и о русских, душивших эту свободу.

О проспекте, который сейчас называется именем Ленина, а ранее назывался Гитлер-штрассе.

О тех инородцах, которые приходили в их красивый город и переименовывали их улицы.

От столь длинного и туманного предисловия экскурсанты скучали и расходились, кто куда.

Оставался один я.

Она невозмутимо продолжала для меня одного эту познавательную речь. А затем, не спрашивая, вела меня в огромную рижскую коммуналку, к своей подруге. Подруга, как правило, ждала нас уже в пеньюаре.

Позже я узнал, что у них, коренных рижанок, было принято делиться друг с другом нами – русскими дикарями.

Во время любви они разговаривали между собой только по-латышски, явно не считая нас, варваров, разумными существами.

Дикари и есть дикари.

Хотя, как я понимал в конце каждого секс-сеанса, мы, дикари, все же были неплохи в постели.

Когда закончилась практика, я вез домой в портфеле бутылочку рижского бальзама, в кармане зеленого пальто открытку с видом Домского собора, перепачканную поцелуями веселых девушек ГАИ, а под зеленым пальто – венерическую болезнь от чопорных коренных рижанок.

На последнем курсе я успешно излечился от последствий рижских любовных похождения, потерял открытку с наивными поцелуями юных гаишниц и уже стал упаковывать свое зеленое пальто для дальнейших подвигов во славу Отечества. Но перед самым распределением нам вдруг назначили лыжный кросс в двадцать пять километров.

Может, кому-то эта дистанция и могла показаться смертельной, но только не мне. Я был уверен на все сто процентов, что с кроссом у меня проблем не будет.

И не было бы.

Но именно накануне забега ко мне подошел мой университетский друг и попросил помочь перевезти мебель своей знакомой, заведующей детским садом, со старой квартиры на новую.

Ему я отказать не мог.

Мы с ним подружились еще в момент сдачи вступительных экзаменов. Он, как и я, уже отслужил в армии, только не ВДВ, а в морской пехоте. Это тоже вроде десанта, только на море.

У него был нагрудный значок «За дальний поход», и это дало ему право, как и мне, поступить в университет вне конкурса.

Отец его был героем Великой Отечественной войны и занимал должность первого секретаря райкома в одной из северных областей. Во времена хрущевского кукурузного бума¹⁰ убежденный партиец пытался, исполняя решение партии, засеять кукурузой весь свой район. За что был снят, но уже во времена брежневского «застоя»¹¹.

Из-за этих папиных инициатив друга в школе недолюбливали и дразнили «райком, исполком». А учительница по каждому поводу и без была указкой по голове.

Несмотря на эти побои, память у него была великолепная, он наизусть знал «Евгения Онегина» и все произведения Пушкина.

Кстати сказать, мама его прекрасно говорила на трех языках. Она довольно долго прожила в Париже с первым своим мужем, художником. Поэтому у себя в доме, куря папиросы, со всеми гостями разговаривала пофранцузски.

Казалось бы, моему другу была прямая дорога в МГИМО, но однажды, повздорив с родителями, он ушел назло им в армию.

А после армии, уже из упрямства, не стал поступать в МГИМО. Но и в политех тоже не пошел.

С точными науками он не дружил. На уроках математики, химии и физики регулярно падал в обмороки. И до сих пор не понимает, почему летают алюминиевые самолеты, а металлические корабли не тонут.

Поэтому он выбрал юридический.

Так мы стали учиться вместе и помогать друг другу.

А помощь другу – это святое. Хотя...

С другом все было ясно – перевез мебель и ходи, когда голодный, доедай в детсаде после детишек манную кашу.

А зачем мне это было надо?

Тем более что завтра кросс.

Но из-за кросса же я и согласился. Хотел перед стартом как следует подкрепиться.

У нас, у студентов того времени, было святое правило: знакомись с женщиной – веди к ней в гости всю голодную группу. Группа складывалась и покупала трехлитровую бутылку «Гымзы» и поражала питерских дам возможностями из трех литров алжирской бурды сварить десять литров великолепного глинтвейна.

Заботы о закуске возлагались, естественно, на принимающую сторону.

В иные, негостевые дни все мы питались в основном рисом и знаменитой питерской корюшкой. Стипендии ужасно не хватало, а от родителей ждать было нечего, кроме их проблем. И конечно, постоянно подрабатывали: разгружали мясные туши, мыли бани, подметали телефонные будки, даже торговали камышом у станций метро.

¹⁰ Кукурузный бум – инициатива Н. С. Хрущева после посещения США везде сажать кукурузу.

¹¹ Застой – период правления Л. И. Брежнева.

Но нашим молодым организмам еды всегда не хватало. Поэтому с удовольствием брались за любую работу, где впереди светила еда.

А уж если и выпить да и в постель – это заветная мечта каждого ленинградского студента.

Как оказалось, заведующая детсадом была не замужем и в том возрасте, когда мужчина не то чтобы нужен, а просто необходим.

И, чтобы наверняка, я надел свое зеленое пальто и прицепил к нему орден.

Когда мы привезли мебель на новую квартиру, там нас уже ждала подруга хозяйки, тоже заведующая, но гастрономическим отделом магазина.

Она, как увидела мое детское зеленое пальто, так от жалости и вцепилась в меня мертвой хваткой. Притащила ящик водки и батон вареной колбасы.

Я от счастья, что попал в одно дело с женщиной из гастронома, таскал мебель, как ломовая лошадь, то и дело уговаривая свой желудок, немного потерпеть.

Наконец перетаскав и расставив всю мебель сели за стол.

Разлили водку...

И пошло... И поехало...

И понеслось...

Очнулся я под самое утро на матрасе, который лежал на полу. Под мышкой у меня посапывала гастрономическая подруга хозяйки.

Сама же хозяйка спала на кровати, правда, без матраса, но с моим другом.

Словом, очнулся я и понял, что до кросса осталось не более часа.

В две минуты я покинул эту теплую компанию и помчался на кросс.

На старте быстро надел лыжи, стараясь ни с кем не разговаривать и даже не дышать.

Амбре мое после столь бурной ночи представляло смертельную опасность для трезвых спортсменов.

Со старта я рванул что было сил. Но рванул не для рекорда, а в надежде побыстрее добежать до пивного киоска и побыстрее проглотить кружок пять холодного пенного, животворящего пива.

«Пиво пить – здоровью не вредить. Пивко пенное – для здоровья ценное», – так, повторяя магические рифмы, я пробежал километров пятнадцать.

Но образ пенного и холодного пива постепенно растворился в моей больной голове.

Я стал терять темп, и все чаще и чаще за спиной раздавалось требование:

– Лыжню!

Я не уступал, а прибавлял.

Но проходило какое-то время и сзади опять слышалось настойчивое:

– Лыжню!

Я знал кому принадлежал этот голос. Одному въедливому и настырному парню из параллельной группы.

Наконец, я сдался и уступил лыжню.

И он, жилистый, не с похмелья, промелькнул мимо меня как тень.

К финишу я еле дошел.

Потом на распределении икнулся мне этот кросс и этот обгон.

Комиссия рассматривала две заявки: одну из разведки, в германскую группу войск – мечта каждого студента, вторую из ментовки в Нижнеокск – ужас каждого студента. Ну, и конечно, кто-то в комиссии вспомнил, как настырный и жилистый обошел меня на лыжном кроссе.

Его распределили в Германию, а меня в Нижнеокск.

А если бы я не был тогда с похмелья, то есть не перевозил бы эту заведующую детским садом и не встретил бы ту заведующую отделом гастрономии с ящиком водки и колбасой, то я

пришел бы к финишу первым. И тогда я поехал бы в Германию. И тогда мои, а не его портреты сейчас висели бы в каждом госучреждении нашей обновленной России.

Но в тот день, после кросса, я и не подозревал о таком коварстве судьбы и, закончив гонку вторым, счастливый, что живой, рванул к пивному киоску.

Когда я влил в себя первую кружку пива, внутри меня так зашипело, будто опрокинули ковш холодной воды на раскаленные камни.

Придя в полный разум после пятой кружки, я вспомнил, что забыл на новой квартире детсадовской заведующей свое зеленое пальто с орденом.

Быстро наладил туда.

Дверь мне открыл солидный дядька, в перстнях, браслетах и золотых зубах. Я спросил даму. Мне предложили зайти. Я зашел.

В комнате был заново накрыт стол, но уже икрой и коньяком. Друга моего не было, зато был еще один незнакомец, весьма похожий на первого.

Дамы стали, перебивая друг друга, объяснять дядькам – тяжеловесам, что я тот самый грузчик, который таскал мебель и забыл свою спецодежду, то есть зеленое пальто.

И с этими словами швырнули мне его в мои натруженные руки.

Я оглядел свое пальто и очень обиделся, не обнаружив на нем своего боевого ордена. А обидевшись, выбил дядькам золотые зубы и переломал всю, вчера перевезенную, мебель. Не надо было дядькам говорить, что плевать им на мой орден.

Правда, уже спускаясь по лестнице, я обнаружил орден в кармане зеленого пальто. И, как человек справедливый и совестливый, вернулся и извинился. Добавив, что мебель и золотые зубы – не самое главное в жизни.

Главное, что квартира осталась целой и с балкона я никого не выкинул.

Дамы после моих слов перестали визжать, а мужики проводили меня до лифта, подарив сто рублей на такси.

Деньги я взял, зря, что ли, мебель таскал. Но в общежитие поехал на метро. Из вредности.

Вот так закончился тот роковой день, из-за которого меня потом распределили не в Германию, а в Нижнеокск.

Часть 2. VOLTO VIVACE

Нижнеокск встретил меня вполне приветливо.

Жилья у меня, понятно, не было, и начальник отдела милиции, куда я был распределен на работу, предложил переночевать в свободной камере, пока там не было жуликов. Пообещав утром подыскать мне какое-нибудь жилье.

В дежурную часть, где и происходил разговор, в это время патрульные привезли две конфискованные фляги с брагой. Начальник посмотрел на фляги, на алчные лица сотрудников, толкавшихся вокруг них, спросил дежурного:

– Где эксперт?

Тот пояснил, что эксперт будет только к утру. Тогда начальник, почесав затылок, велел притащить из «обезьянника»¹² самого грязного, вонючего бомжа и заставил поплевать в эти фляги.

Он полагал, что испорченная плевыми брага простоит до утра и дожидается эксперта.

Хотя дальнейшие события показали, что начальник сильно ошибался.

Его ошибку первым прочувствовал я.

Так как закрывали меня на ночь в камеру трезвые сотрудники, а поутру выпускали – пьяные.

И они никак не могли вспомнить, за что же меня посадили. Но, разглядев в моих руках зеленое пальто с орденом, тут же «повесили» на меня кражу личного имущества с отягчающими обстоятельствами в виде госнагады.

Мои уверения, что я их новый сотрудник, натыкались на один железный аргумент: «Если ты наш, почему же ты трезвый?»

В камере я провел двое суток, пока не появился после бесконечных совещаний Начальник. Ему принесли на рассмотрение дело о краже пальто с орденом и привели подозреваемого.

Тут-то он меня и узнал.

Быстро освободил из-под стражи и, приняв во внимание то, что я не женат и жилья у меня не было, поставил на вербовку женской агентуры, в отдел секретной службы. Работая там, я, неженатый, мог безопасно, в открытую, работать с дамами и жить на одной из конспиративных квартир у своей резидентши.

Только я провел общее собрание со своей резидентурой, только оформил заявку на деньги для оплаты агентурных сообщений, как грянула Перестройка.

Финансирование прикрыли, агентура разбежалась, конспиративные квартиры поотбирали. Нам милиционерам, стало непонятно – кому, кем и чем заниматься.

Трогать кооператоров прокуратура категорически запретила.

Бандиты превратились в уважаемых людей. Даже гаишники им честь стали отдавать.

А наш бедный Начальник из-за того, что перестал понимать, кого и за что сажать, велел нам для отчетности составлять протоколы на наших родственников, а уголовные дела заводить на знакомых и даже на самих себя.

Посмотрел я на все это, пришел к начальнику и положил погоны на стол.

Оказалось, не я первый.

Наш начальник был честным чекистом.

Он собрал личный состав милиции и сказал:

– Вот что, ребята, стране пришел конец. Идите куда хотите, – вынул пистолет и застрелился.

Я стреляться не хотел.

¹² Обезьянник – место, где находятся временно задержанные.

Хотелось еще пожить.

Сдал я оружие, удостоверение и... совсем неожиданно стал директором рынка.

По воле случая.

Когда у меня закончились деньги, я пошел на центральный рынок, где торговали не только урюком, но и шмотками, чтобы продать самую дорогую для меня вещь – зеленое пальто.

Шел продавать и плакал.

Когда я встал в ряд барахольщиков, меня узнал один из оперативников, дежуривших на рынке. Он подошел ко мне, поздоровался и позвал к себе в кабинет. Там с ним и Вором, «смотрящим» на рынке, мы раздавили полбанки. Разговорились. И, узнав, что я без работы, ребята предложили мне стать директором рынка. Прежний два дня назад обожрался черной икрой и сегодня ночью умер от заворота кишок.

Я, голодный, услышав о столь мучительной смерти бывшего директора, тут же согласился занять его место.

Вор сделал пару звонков и сказал:

– Порядок, завтра будет приказ о назначении. Только одно условие: черную икру ложками не есть. Хотя бы первый год.

Я поклялся, что не буду этого делать. Да и вообще я эту проклятую икру ни разу в жизни не видел. Ни черную, ни красную.

Вор вздохнул и сказал:

– Вот в том-то и дело, бывший директор тоже не видел.

А как увидел, так и обожрался.

Я еще раз поклялся икру не есть, и мою кандидатуру приняли окончательно. А на следующий день утвердили в исполкоме.

Директорствовать было нетрудно.

Рынок работал как большой, хорошо отлаженный механизм.

Ту прибыль, что полагалась государству, приносили мне. Ту, что ворам, отдавали им. Ту, что ментам, заносили ментам. Спекулянты через цены прибыль накручивали себе сами.

И всем было хорошо.

На рынке были и иные службы, которые откусывали от общей прибыли.

Должности в этих службах передавались по наследству. Например: если умирает санврач, то на это место заступает дочь, если умирала дочь, то заступала внучка.

Каждый торгующий на рынке нес самую лучшую часть своего товара санврачу – на анализ. Чем больше приносил, тем лучше был анализ.

Внутри и вокруг рынка кормились сотни и тысячи людей, начиная от разносчиков чая, кончая собирателями ящиков, коробок и мусора. Про карманников, гадалок и прочих аферистов и говорить не надо. Их было ровно столько, сколько надо. Ни одного лишнего.

Я срочно выписал к себе на рынок маму как крупного специалиста по превращению вторсырья в первоклассный импортный товар.

Создал ей кооператив под названием «Радость покупателя».

Следом вызвал старшую сестренку. Помог ей организовать местных продажных девушек в устойчивую «шейпинг»-группу «А ну-ка, девушки».

Затем привез папу.

Услышав, сколько стали зарабатывать его домочадцы, он тут же выплюнул изо рта детскую клизму и перестал икать. Я монополизировал на моем рынке торговлю спиртосодержащими жидкостями медицинского и хозяйственного назначения, поставил во главе кооператива «Трудное утро» папу как большого специалиста в этой сфере.

И наконец, отбыв очередной срок, к семейству присоединилась моя младшая сестренка.

На рынок она явилась со своей легендарной бритвой.

Воры с ментами, когда узнали, что за девочка моя сестра, стали еще уважительнее относиться ко мне. Некоторые даже научились стучаться, прежде чем зайти в мой директорский кабинет.

Ей как человеку с авторитетом в преступном мире я организовал кооператив «Защита», который защищал на рынке всех от всех. И тех и этих. В общем, кто платил, того кооператив и защищал.

С помощью родственников через полгода я довел работу рынка до совершенства.

Власти это заметили и создали на базе моего предприятия торговое объединение, доверив ему обслуживать продуктами «пайками» партийную элиту нашего района.

Обслуживание номенклатуры имело свои особенности.

Так, высшему партийному руководству в «пайке» полагалась икра черная, низшему – красная; высшему – колбаса сырокопченая, низшему – «Московская»; высшему – норвежский лосось, низшему – селедка. Даже майонез высшим – в стеклянных баночках, низшим – в пластмассовых.

Для этих расфасовок с каких-то таинственных баз стали поступать продукты, которые я никогда не видел, о которых никогда не слышал и не представлял, что они существуют.

В огромных ящиках, больше похожих на ящики для транспортировки крупнокалиберных артиллерийских снарядов, мне привозили нежнейшую стерлядь, копченых осетров, белужьи балыки. И все это было обернуто в тончайшую бумагу из морских водорослей. Помимо осетровой икры в синих банках, поставляли белужью бриллиантовую икру в золотых банках. А еще курильских крабов и норвежскую сельдь, мраморное мясо и новозеландских индюшек.

Мои родственники, когда увидели все это изобилие, впали в нервную депрессию. И вспомнив холодную мурцовку ¹³, на которой выросли, разом запили. Запой длился почти неделю.

Пили и пили. Пили и пили.

Да жрали икру прямо из банок.

Но в какой-то момент их просветления я напомнил им, отчего умер мой предшественник – директор этого рынка.

Этим и остановил своих близких, которые уже позеленели от икры и ликеров.

Остановив, похмелил огуречным рассолом и, отпарив в бане, я их всех, радостных, что не померли, посадил перед телевизором смотреть «Лебединое озеро». Когда балет прекратился, они узнали, что запретили коммунистическую партию.

Началась приватизация.

Все кинулись расхватывать то, что в государстве плохо лежало.

Ввели ваучеры ¹⁴.

Что это такое, никто не знал.

Для туалета жестковаты, на деньги не похожи.

Однажды мне позвонил знакомый железнодорожник и сказал, что у него в тупике стоят два вагона из Москвы, битком набитые ваучерами для Татарстана. А Казань получать их отказалась. Они там решили жить самостоятельно, отдельно от Москвы.

Свой президент, свое правительство, свои ваучеры.

А ему, железнодорожнику, позарез нужны пустые вагоны. Вот он мне и предложил разгрузить эти никому ненужные казанские ваучеры у меня на рынке. Может, я их цыганам-семечникам отдам под пакетики.

Пришлось его выручать. Железнодорожники – народ полезный.

Вагоны я освободил.

¹³ Мурцовка – разновидность похлебки простого народа (вода, хлеб, лук и подсолнечное масло).

¹⁴ Ваучеры – приватизационные чеки 1992 г.

Но цыгане от ваучеров отказались. Бумага на пакетики не годилась.

Тогда я дал команду запихать эти тюки с ваучерами в самые дальние подземные склады рынка, чтобы не мешали.

И совсем про них забыл.

А через полгода начались аукционы, где за ваучеры начали продавать весьма интересные объекты казенной недвижимости.

И только за ваучеры.

За большое количество ваучеров.

За тысячи, миллионы.

У простых людей один, два, иногда десять ваучеров – не более.

А у меня целых два вагона.

И тот мой знакомый железнодорожник куда-то исчез.

Наверное, в Грецию сбежал. Все тогда греками хотели стать. Паспорта греческие можно было купить на любой барахолке.

Так эти два вагона ваучеров стали бесхозными.

То есть моими.

На эти ваучеры я купил маме новые швейные машинки.

Папе – ликероводочный завод.

Старшей сестре – женскую хоккейную команду с тренировочной базой в Югославии.

Младшей – тюрьму, вернее, один из ее корпусов.

Для себя же я приобрел центральную Башню нашего Нижнеокского Кремля. На весь Кремль ваучеров уже не хватило.

Папа, как зашел на свой ликероводочный завод, так его больше никто и не видел.

Маме в подвалах башни я открыл швейную фабрику для пошива ужасно популярных в это время спортивных костюмов «Адидас». А в качестве рабочей силы посоветовал использовать забытых родиной вьетнамских студентов.

Старшая сестра так увлеклась хоккейной командой, а особенно базой в Югославии, что мне пришлось отослать ее туда, к югославам.

Но самым прибыльным оказался бизнес младшей сестры. В своем тюремном корпусе она по моему совету на верхних этажах обустроила камеры люкс: с баром, телевизором, джакузи, водяными матрасами, музыкой для релаксации, едой из лучших ресторанов «Русского клуба».

Была там и дополнительная услуга – бронирование камер.

Вся городская элита стала дружить с нашей семьей: и политики, и бизнесмены, и силовики, и воры. Каждому хотелось забронировать (так, на всякий случай) камеру класса люкс. Все прекрасно понимали, что если кто и не сидит, то это пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.